

СМЕНА

№ 17 СЕНТЯБРЬ 1972

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**РАБОЧИЙ
КОСТЮМ:
УДОБСТВО
И КРАСОТА.**

ЖИЛА ОЖИВАЕТ КАМЕНЬ

РАССКАЗ

Этери БАСАРИЯ

Сиуарне приснилось, что множество коней, прямо настоящих тебун, мчатся по узкому ущелью и цокоят их копыты отчетливо звенит в ушах, он даже был разбужен этим цокоетом. Оказалось, по крыше, крытой дракой, дробно, с возмужавшей уверенностью долбит дождь. Он был очень кистат. Земля изымала от жары и засухи. Кукурузные листья свернулись в трубочку, даже непригодные яблоки покрылись черными пятнами.

«И — солнце прожгло. Дождя не было так долго, что Мехти уже ходил по деревне, уговаривая односельчан собрать по десять рублей, купить собаца бычка и принести в жертву богу с просьбой ниспослать на жаждущую землю немного дождя.»

— Глянь, сокучился Мехти по свежому мясу! — пересмеялись односельчане и уклончиво отвечали, не желая сдать обидчивого старика: надо бы, да дел много, да наличных нет, да и бычка, за которого не жаль отдать хорошую сумму, сейчас не найти.

Мехти известен в деревне как человек, которому наиболее доступно общение с Богом благодаря очень преклонному возрасту и тому, что он вот уже сорока лет всегда приглашался для вознесения молитвы, когда кто-нибудь из односельчан приносил в жертву богу то белого, без единого черного волоса барашка, то бычка. В награду Мехти получал шкуру и лучшие куски мяса. Но односельчане все реже и реже обращались к богу.

— Скупее, что ли, стал народ, — сокрушался Мехти. Вот и теперь дождь подался, пошел, не дожидаясь, пока Мехти склонит односельчан к жертвоприношению.

«Слава богу, — подумал Сиуарне, поворачиваясь к стене. — Теперь кукурузе сам черт не страшен, свое возьмет. Только одно жаль: помешает дождь завтрашнему торжеству... Столько времени не было, где бы и подождать уда денечки! — корливо решил Сиуарне, прислушиваясь к торопливому постукиванию: летний дождь, он всегда такой — светлый.»

А завтрашний день был очень важен для Сиуарне. Год тому назад он не поверил бы, что это может быть для него столь значительным.

Умерших земля приняла, для близких они обрели вечное приращение в памяти. Словом, можно помянуть их — сложить песню, как испокон повелось,

если ушедшие того достойны. Но воплотить память в холодный камень? Сиуарне этого даже не представлял. Кому он нужен, холодный камень-то? Без души, без тепла. Потому, когда стали поговаривать, что в центре деревни, направо от сельсовета, воздвигнут памятник павшим во время войны, Сиуарне не понравился затея. У него самого не вернулся с войны единственный сын Зураб. Не хочется говорить — погиб, ведь никто не видел, как погиб, может, занесло его куда-нибудь, а может, и правда убит... Но не хотел бы Сиуарне видеть сына, превращенного в камень. Не хотел бы... Он с большой неохотой согласился взять на квартиру юношу из Москвы, который, как объяснил ему председатель, призван делать этот самый памятник, ведь могил-то нет — если бы знать, где они, эти могилы, а так камень, не поймаешь, чего ради. Но не пристало ему абхазскому отказывать кому-то в крыше над головой и лице, тем более человеку, ехавшему все-таки не шутки шутить, а для дела.

— Твой гость — мой гость, — сказал Сиуарне председателю, — слава богу, в доме места хватит.

— Никого бы не стал беспокоить, к себе пригласил бы! Но ты же знаешь, Сиуарне, где я живу. Каждый день по семнадцать верст делаю. Совсем загнал свою клячу. — Он на верхом ездит, наверно, не умеет.

— О чем ты говоришь?! — запротестовал Сиуарне. — Двери моего дома для него всегда будут открыты.

Юношу звали Алексеем. Приехал он ранней весной. И в тот день, когда с председателем явился к Сиуарне, шел еще по-зимнему колкий дождь, в котором нет-нет да попадались снежинки. Дождь как бы обнимал все изыли дома Сиуарне, уж который год ждущего крепкой, хозяйской руки. Набушую от дождя щеколду краевой калитки председатель отдирал долго и молча, но, судя по его лицу, в душе он был вряд ли так бесловесен, — кто знает, какими проклятиями он осыпал упрямого шеколду. С крыльца, пробую гость, радостно затыкая щенок, неправдоподобно загорный на фоне этой ветхости. Из кухни вышел Сиуарне, заметив приближающихся гостей, хотел было двинуться навстречу, но председатель опередил его:

— Оставайся там, Сиуарне, оставайся. Куда в такой дождь выходить!

Сиуарне, конечно, не послушался бы, но гости, подогнанные дождем, уже были на крыльце.

Рисунок Владимира ДЕЛЫ

ой момент квартирант не забыл его и хочет стоять с ним рядом, он не мог скрыть.

— Не родственники ли будут Аликсе приезжие? — спросил он, прача от беслана волеенье.

— Да нет, мужчина — писатель, а эта полная, говорят, журналистка, кто ее знает.

— Говорят, значит, есть, — сказал Сиуарна, — а зовут как?

— Викторией.

— А что она здесь делает?

— Наверно, напишет о том, что сегодня будет.

— Ей-то, братец, Леша! — громко заополдировав Викторю. — Вот уж не дунала, что в этой жизни судьба сведет меня с мастеров! Бравол!

В задних рядах вслухлились несколько женщины. Все пришло в движение. Кто-то поздравлял Алексея, крепко жала ему руку, многие подошли ближе к памятнику — разглядеть.

— Золотой мальчик этой квартирант! — сказала Мекти Сиуарне. Камень же, в гитаре на него — и будто сыновья наши вернулись в дом. И как по-тоже сказать, словно знавал их живых.

— Красивая старость у его отца, Мекти, — неторопливо начал Сиуарна, наконец обернувшись к памятнику. — Красивая старость, такой сын сотни виновос стоит, да для сотни виновос.

— Леша, хочешь, я тебе заказ устрою! Для заграничьи! — предлагала тем временем Викторю.

— А вы в самом деле можете устроить? — спросил Беслан вместо Алексея.

— Все можно сделать, было бы на кого наказать!

— У вас, конечно, есть на кого наказать, — заметил Беслан.

— Стоит ли сомневаться? А здесь ничего, забавной Экзотина. Но надолго меня все равно не хватитю бы. Общаться не с кем. Тебе, наверно, остро-чертелю, Леш!

— Нет, отчего же, мне нравится, — сказал Алексей.

Викторю взяла его под руку:

— Горы, дикая природа, море плещется рядом. Хорошее начало для репортажа. Но застрял тут надолго — ой, ой!

— Между прочим, тут люди много, понимают! Не на курорт приезжают, чтобы здесь отдыхать и работать и дела поважнее делают, чем мы с вами, — уверяло вас, не жаждут выступать в качестве бизнес-э.

— Него тебя выским штилем выворачивает? — пожалла плечами Викторю.

— Если лучшей участи не удостоится, нам целый год сидеть в этой провинции, то жиняться, пардон, немечу...

Во дворе стало тихо. В клубе смотрели концерт школьников. В доме Кунты гостей уже ждали накрытые столы. В долги торода будут поминать погибших, выпьют за здоровье их родичей и народа, выпьют за Алексея. Много пышных и красивых слов ему скажут, пусть говорят, мальчик это заслужил, только Сиуарне не хочется, чтобы все эти слова говорили поды-вашие люди, с привычной щедрыю радующиею когда-то прекрасные, но обесцененные частым употреблением слова. Сиуарне не пойдет к Кунте. Стар он стал для пиров. Посидит тут, под дубом, и побредет домой. И к памятнику даже не подойдет. Он не смеет разглядеть его как следует, но омы-чутью достаточно и того, что видел... Интересно, что делает Алексей? Не сбила бы с толку его парадка, уж больно она притягла.

Кто-то поджал и молча шел рядом.

— Что бежал от сверстников, Аликс?

— Да так... Посидим вдвоем, отец.

— Ты большое дело сделал, — сказал Сиуарна.

— Спасибо! — Алексей слегка коснулся его плеча. — Это мы вместе сделали.

— Леша, Леша-а, куда ж ты бежал! — вдруг услышали они донесшийся от дверей клуба раздраженно-капризный голос Викторю.

— Ложная звезда, — сказала старик, неопределенно махнув рукой в сторону клуба.

— Пойдем домой! — предожлил Алексей.

— Что ты, ты должен остаться на мир! — испугался Сиуарна. — Гостей обидишь, да и что подумают люди! Нет, сынок, останься. Нельзя обижать людей, открытых для добра.

— А вы останетесь?

— Мне дело стариковское, поковыляю домой, сынок.

— А вы провоюете.

— Сиуарна не девушка, не умоляют! — хмыкнул Сиуарна.

— Шли они молча, и всю дорогу Сиуарна думал: хорошо бы женить Аликсе-ю на лучшей девушке, какая только найдется в их краях. К месту он здесь, очен к месту, детей его Сиуарна любил бы, как собственных внуков. Но старик знал, что этого не будет. Алексея ведет, и в другом месте он так же будет жить, лишь им еще захочется назвать его сыном. А то как же! Говорят, плохой сын принадлежит только своему отцу, а хорошего все народ своим зывает.

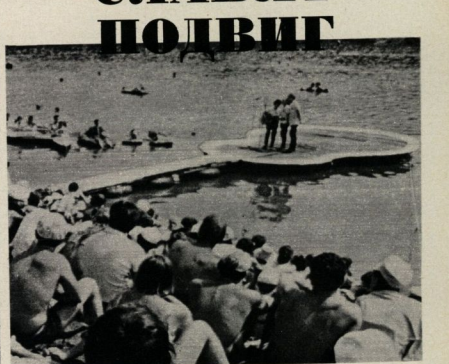
— Возвращайся, сынок, теперь я сам докупю.

— Дайте мне, — он согласился Алексею.

И Сиуарна подумал, что, как только Алексей увидет, он на целый день пойдет к памятнику. Узнает, когда предельностью поедет с утра в район, придет к нему за каким-либо делом и будет под дубом дожидаться его возвращения. Оттуда очен хорошо виден памятник, глаз же у Сиуарны, как и в молодости, зорок.

СТАТЬИ

США

Виктор МАРЬЯНОВСКИЙ Мирослав МИХАЙЛОВ (фото)

самолет «Ту-104», летящий рейсом Москва — Куйбышев, делает при снижении разворот над озером Майстроново. Глазом тех, кто находил-ся в этом воздушном лагуне в первую субботу июля, открывалась удивительная картина. И водое-му в центре которого понакачили на легких волнах плот в виде гигант-ской гитары, тянувшись со всех сторон тысячи людей.

Шли несомненно целыми колон-ками школьников, сбигающихся по дорожке необычных рюкзачков. С наружным рычанием отдавая по-требной приборной форме мотоцикли-стов, выключенной солнцем гледи-цы, сияющими белорусскими хиты и остроносые байдарки.

Из Москвы и Липецка, Ленинград-а и Волгограда, Мазани и Кирова, Ом-ска и Уфы, Саратова и Саклана — на 22 города страны прибыли сюда, к озеру Майстроново, те, кому до-рогой песню, приправленную дымом одного из странствий, кто спел на походного ноэтра. И едва ли не в каждом из них на устах было имя Валерия Грушина.

Наверное, нет у Куйбышевского человека, который не знал бы сегодня имени бывшего студента авиационно-го института, истинного рыцаря похо-дов, верного друга, певца и гитарис-ты.

Пять лет назад протерля Валерий свою последнюю тропу в горы, став-шую для него дорогой и поветуи. В тот день он разбил свою палатку на берегу горной речки Уды, стремивше-го в скалы, и когда на его глаза заблещенная круговерть опрунудла лодку и бросила свивающихся в ней трюх ребят на ивации, он ни секунды не и не колебавшимся сплутинком в другом направлении Женей Недосевовым. Валерий умел спасти детей, но выбраться на берег у него уже не хватало сил...

В далеким Спасске встречался в скале Карельей — дню, месту, памятно-го беззаветной самоотверженности. Но кто может забыть, как в палатке-ном Грушину, романтику туристской песни, чем сама песня! И вот уже пятый год поедает молодежь Куйбышев-а проводит фестиваль, посвященный памяти отважного земляка и поруче-ю, орнмствен и строг ритуал откры-тия. В центре приборной долины вы-ставлены портреты Валерия Грушина: открытое лицо, открытый взгляд с наною-то за-ней и мечтат, выстроенных в от-рочное наре, обращаются и поруче-ю. Но вот раздается звук фанфар, и знаменитый «групп» отступает: «На фестиваль прибыли!»

От команды Куйбышевского ави-ационного института, в котором Евгений Недосево. Тот самый, что когда-то вместе с Грушиным, сплавот в водоворот, брызнулся в водоворот.

Донадывает о готовности и фестива-лю командир «подразделения» тури-стов из Тольятти. Его сопровождают «асистенты» в форме студенческих стрелковых отрядов, несущие свои гитары, наперевес, как винтовки, как символ того, что их мирное оружие — песни. Летят над долиной «Маленькая баллада о большом человеке». Ее по-ет выпускник Куйбышевского авиаци-онного института Анатолий Голосин:

Не знаю, где веселый полюс. Я не знаю, полюс сиюны где. Тот, кто знает полюс мужества Ты отыщи, Валера, на Уде.

А через час-другой, когда сумерки уже скрывают очертания предметов, гарни и девчаты Валерия Грушина входят в долину приборного холма. И сие-не, и той самой гигантской гитары, которую можно было видеть с само-лета, подполывают любители песни на байдарках, лодках, а кое-кто предло-чит слушать, даже не вылезая из воды... Мощные динамики несут пес-ни и на противоположный берег, где у степен палатки радужным омерляе-ным, охватившим опушку леса, стал полюс венеурия.

Евгений Недосево поднимает флаг, под которым Валерий Грушин воле-л в походы своих товарищей. И над за-тихой долиной плывут неуловимые звуки светловоской «Грибальды». «Мы ехали шагом, мы мчались в бой!»... И есть глубочайший смысл в том, что исполняют те вомакие пионерского лагерь «Орленок» воспитатели лагеря, те, кто в детстве, в пионерские дни новых героев, храбрых, щедрых сер-дцем, преданных Родине, борных в тор-ювществе.

Словно напоминан о том, что под-виг Валерия Грушина — это продол-жение славных дел отцов и дедов, с плавающей эстрады несутся послания Великой Отечественной войны — полот девчати и защитных гимнастерках — выпускники педагогического институ-та Тани Фариной и сурово рассказывают о трагедии Хитинского гости из Назани — хирург Виктор Мурзин и инженер-авиатор Ильяус Гирфанов, в «Балла-де о трубахач» воспевают стойкую волю наших бойцов гражданской войны волгоградский ансамбль «Гитрос».

Но, разумеется, чаще всего звучат песни, непосредственно связанные с буднями туристских походов. Це-лый вечер звучит полосу его Ука-стиины — рабочие, студенты, ивние ры — и памятник тысячам, ивние харову, повернувшись своей раз-сплавленной спине сплутинком, оспае-ваю песню инженер Волжского авто-мобильного завода Валентина Афон-ина, в которой он вместе с наладчиком Юрием Масловым, несервировавшей